

ПРОЛОГ

Миссия была непростой, но сулила приличные деньги. Даже та часть, которая перепала бы Митьке, обещала ему приятные перемены: от покупки машины, пусть и подержанной, до похода по клубам в компании аппетитных «цыпочек». Мечты рисовали на простоватом и рябом лице парня счастливую улыбку и примиряли с чугунной тяжестью рюкзака. Лысый, конечно, всю ношу взвалил на него, а сам шел едва ли не налегке. Ну да пусть! Ради «бэхи», которую Митька уже присмотрел, стоит и потерпеть.

Подъем на этом отрезке был пологим. А вчерашняя жара сменилась упоительной прохладой. Потому сегодня шагалось легче, хоть непривычное к восхождениям тело и ныло каждой клеточкой. Они с Лысым за эти два дня поднялись так высоко, что окружавшее со всех сторон небо с наползающими тучами казалось потемневшим перед бурей морем, а пики гор — затерянными в нем островами. Лысый приостановился и обе-

спокойно завертел головой в поисках укрытия: оказаться в горах под ливнем и грозой было не только неудобно, но и опасно. Митька вытянул в сторону руку, и она, казалось, погрузилась в махровую толщу грозовой тучи. Он так устал от зноя, липкого пота и стискивающей грудь духоты, что жаждал дождя. И небеса услышали его. Ливень обрушился на землю стеной, словно в переполненных водой тучах некто раздернул гигантские молнии. Лысый громко выругался, а Митька завопил от восторга и задрал вверх лицо, ловя открытым ртом водные струи. Дождь смыл не только пот с лица, но и, казалось, забившийся в ноздри запах пыли. И следом за этим будто спал невидимый покров, сдерживающий живые и острые ароматы. Митька даже ошалел от той «какофонии» запахов, которая ударила ему в нос: сырой земли, грибов, йода и травяной свежести. Лесные запахи смешивались с морскими, кружили голову и наполняли восторгом. Эта экспедиция творила с ним что-то непонятное, но радостное: из хмурого и недовольного жизнью гопника превращала едва ли не в тонко чувствующего поэта. Но только как Митька ни пыжился, охарактеризовать свой восторг словами не смог. Поэтому просто станцевал под ливнем, нелепо размахивая руками и взбрыкивая ногами.

— Совсем идиот, — припечатал Лысый и сплюнул сквозь зубы. Капли стучали по его обтянутому желтоватой кожей черепу, вода катилась струями по впалым щекам и лилась за шиворот. Лысый морщился, ежился, страдал и совсем не понимал

настроения напарника. Им все же пришлось сделать привал, пережидая дождь. И эта задержка выбила Лысого из душевного равновесия. Митька его понимал: дорога оказалась сложней и дольше, чем они себе представляли. Еще вчера они должны были встретиться с проводником в деревне, но тот именно сейчас возжелал отшельничества и поднялся в горы. Приди они на несколько дней раньше, застали бы старика дома. Можно было бы, конечно, отсидеться внизу, ожидая, когда проводник вернется. Но житель деревни, с которым разговаривал Лысый, сказал, что старик вместе с внучкой нередко уходят в горы до осени и спускаются, только чтобы пополнить запасы провизии, и то редко. Благо житель указал им примерный путь, по которому те ходили. Лысый, конечно, матерился, сыпал проклятиями и в адрес старика, и того, кто дал им задание. А Митьке, наоборот, приключение казалось забавным. И почему он раньше никогда не ходил в горы?

До нужного места они добрались уже ближе к ночи, когда темнота зацепилась за острые пики гор и повисла клочьями, сотворив над головами путешественников диковинный купол с прорехами-звездами. Дорога вывела на плато, в середине которого виднелась сложенная из крупных камней постройка. Небо развалилось на ее плоской крыше разленившимся котом. И Митьке показалось, что они с Лысым вышли в открытый космос.

— Ишь какой! — то ли восхитился, то ли выругался в адрес старика Лысый, сбросил рюкзак

и быстро зашагал к чернеющей на серокаменной стене двери. — Эй, хозяин! — заорал он, стукнул для приличия кулаком в дверь, а затем легко открыл ее. — Жди меня здесь, — буркнул он Митьке.

И хоть парню ужасно хотелось поглядеть на жилище отшельника изнутри, он остался с рюкзаками снаружи. Ждал Митька долго. Поначалу заинтересованно вытягивал шею, силясь расслышать то, что происходило внутри. Затем, заскучив, сделал круг по неширокому плато, подошел к самому краю, заглянул в бездну и испуганно отшатнулся. Мир будто перевернулся: в клубящейся темноте внизу отражались звезды, а по небу, наоборот, расплывались абстрактные тени. Испуг сменился восторгом. И Митька снова пожалел, что никакой он не поэт, не художник и даже не фотограф, потому что распирающие его изнутри чувства нужно было как-то передать. Пацаны, с которыми он тусил, стихов, конечно, не поймут. А вот «цыпочкам», которых Митька собирался катать на «бэхе», поэзия понравилась бы. Он наморщил лоб, потом скривился, помогая себе мимикой подобрать красивые слова в рифму, но стихи не шли. Поэтому Митька выразил свое восхищение двумя непечатными словечками и смачно сплюнул в пропасть. Может, он бы придумал, как еще выказать свой восторг, но тихую идиллию космической ночи нарушил донесшийся из постройки шум: возня, затем приглушенный грохот, будто упало что-то тяжелое. Митька бросился к двери, чтобы заглянуть внутрь жилища, но

из постройке уже выскочил, матерясь и размахивая руками, Лысый.

— Пошли! — скомандовал он и, забыв про рюкзаки, почти бегом направился к тропе.

— А проводник?

— А уже того! — рявкнул Лысый. И его и без того пугающее лицо искривил страшный оскал. — Проводил... Я его. Туда! Етить. Дрянь какая.

Митька подхватил рюкзаки и испуганно оглянулся на открытую дверь. В тускло освещенном проеме торчали босые ноги с тощими щиколотками. Митьку затрясло, но не от ночного холода, а от накатившего густой волной понимания, что случилось нечто страшное и непоправимое.

— Ты его, что... Того? А внучка?

— А не было ее. Где-то шляется. Пошли! — повторил Лысый и сплюнул. — Ишь какой... Сейчас он не водит. А хрен! Нечего было...

Митька вдруг услышал тонкий вой — страшный, испуганный, бабий. И не сразу понял, что воеет на одной ноте он сам.

— Тише ты, придурок! — заорал Лысый, а затем прыжком подскочил к нему и одной рукой сгреб его за горло. — Кому пикнешь о том, что случилось, и тебе не жить. Или тебя лучше сразу, а? Я ведь могу!

Хватка у Лысого, несмотря на его изможденную комплекцию, оказалась стальной. Пальцы больно сдавили горло, и Митька сразу поверил Лысому, что он его тоже может, как старика. Поэтому послушно что-то пробубльнул. Лысый разжал пальцы, а затем вытер руку о штаны.

Они долго спускались в сумраке и тишине, нарушаемой лишь потрескиванием сучьев под их ботинками. Многоглазое звездное небо раскачивалось над ними, словно гигантская летучая мышь. А Митьке казалось, что за ними следит не только небо. Вдруг старик не умер и теперь тащится за ними? Или, что еще хуже, умер, но тоже идет — шатаясь, светя глазами и простирая к ним тощие руки...

— Где ты застрял, идиот? — подстегнул Лысый, когда Митька остановился поправить рюкзаки. Один он тащил на спине, другой повесил на грудь и шел так, обложенный ношей, словно подушками. Но от страха даже не чувствовал веса.

— Там... Кажется, кто-то есть, — Митька не удержался и нервно оглянулся.

— Никого там нет!

— Старик точно мертв?

— Мертвее быть не может! Тыквой о камень тюкнулся, — зло бросил Лысый. До Митьки донеслось его еле слышимое бормотание: — Не ходит он туда сейчас, етить... Ну и катись в ад. Мы сами найдем эти «слезы».

Вот тут Митьке по-настоящему стало страшно. Он-то думал, что теперь они вернутся домой: как же без проводника дойти до места, в которое, говорили, попасть было много охотников, да только никто не вернулся живым. Одна надежда была — на этого старика, который, опять же, говорили, знал все тайные тропы, спуски, подъемы и обходы. А без него соваться туда — верная гибель. Он так и сказал Лысому. На что тот не за-

матерился ожидаемо, не закрыл Митьке рот, а после недолгой паузы страшным шепотом произнес:

— Вернемся ни с чем — точно подохнем, придурок.

Митька втянул шею в плечи и зашагал, уже молча, размышляя над тем, как они с Лысым умудрились так вляпаться. Ему очень хотелось бросить обвинения в лицо напарнику, заорать, что это он во всем виноват: и в том, что связался с опасным человеком, и в том, что убил старика, а с ним — и их шанс вернуться из похода живыми и с результатом. Но Митька до сих пор ощущал на горле стальную хватку пальцев Лысого и невольно вспоминал, что сидел напарник за убийство. Старик — не единственная жертва Лысого. От безысходности Митька вновь заскулил, но тихо, в кулак. Какая уж тут «бэха» и «цыпочки»! Шкуру бы спасти. А Лысый, напротив, зашагал вдруг бодрее и даже засвистел веселый мотивчик. Причина его настроения оказалась простой:

— Если за граммы этого мышиноного помета готовы такие деньжищи отвалить, прикинь, сколько за килограмм дадут! Это ж миллионы!

До Митьки дошло, о чем кумекает Лысый. В его мечтах подержанная «бэха» мигом превратилась в «Феррари», а местные «цыпочки» — в заграничных топ-моделей. И дорога уже перестала казаться опасной.

Они шли всю ночь и сырое прохладное утро, а днем, когда солнце опять стало припекать, сошли с тропы в лес и поспали несколько часов.

Потом вновь зашагали — вниз, к деревне, откуда начинался путь уже в другую сторону. Они бы дошли к ночи и заночевали в чьем-нибудь доме, но Лысый сбился с пути. Узкая тропа вывела их не к поселению, а на широкую пыльную дорогу.

— Ничего, дорога — это не горы. Попутку пойдем, — бормотал себе под нос Лысый, вставляя после каждого слова ненормативную лексику. Но темнота уже сгущалась, как кисель, а они все так же брели в одиночестве по дороге, загребая грязь стертymi до ран ногами.

— Машина! — заорал внезапно Митька и ткнул пальцем туда, где темноту разрезал яркий свет фары.

— Тише ты! — одернул его Лысый, но, однако, приложил ладонь ко лбу, словно в сумерках мог что-то разглядеть. — Мотоцикл. Фара одна.

— И что делать будем? — сник Митька. На что им мотоцикл? Подвезти не сможет. Ну, разве что мотоциклист дорогу укажет. Но Лысый был другого мнения: решительно провел рукой по челу и осклабился. Это Митьке категорически не понравилось, и он мысленно пожелал мотоциклисту проехать мимо, потому что остановка может стоить ему жизни. А свет тем временем приближался. И вскоре стало ясно, что по дороге бесшумно катит вовсе не мотоцикл, а автомобиль с одной разбитой фарой. Машина тяжелым бегомотом вылезла из болота, в которое превратилась непросохшая после ливней дорога, мигнула единственной фарой и, поравнявшись с путника-

ми, фыркнула совсем по-звериному. Лысый опять провел ладонью по черепу и тихо пробормотал:

— Откуда такая рухлядь взялась?

Автомобиль и правда был настолько стар, что удивительно было видеть его на ходу. По обтекаемой форме «броневика» Митька предположил «Победу». И у кого ж из местных сохранился такой раритет? Пока он восхищенно пялился на «антиквариат», Лысый открыл дверь и заглянул в салон. За рулем сидел закутанный то ли в плащ, то ли в дождевик мужчина.

— До деревни подбросишь? — спросил Лысый и назвал сумму. Водитель ничего не ответил, но, видимо, дал знак. — Садись! — скомандовал Лысый через плечо.

Митька засунул вначале на заднее сиденье рюкзаки, а затем забрался сам, отметив про себя, что в машине пахнет странно и неприятно: ветошью, сыростью и еще чем-то сладковатым. Впрочем, какая разница, чем воняет в старом салоне! Главное, чтобы водитель довез их до деревни.

— Мы заблудились, — пояснил Лысый, когда машина тронулась с места. — Переночевать бы у кого и опять в путь.

Водитель вместо ответа лишь кивнул. Машина тихо плыла по ночной дороге, слегка переваливаясь с бока на бок, когда колесо съезжало в борозду. Лысый молчал, и тогда Митька решил нарушить затянувшееся молчание:

— Классная тачка! Это «Победа»?

Водитель, не прекращая своего дела, вновь склонил голову. Митька заглянул ему через плечо

и с удивлением увидел, что руки того затянуты в черные перчатки. Бывают же такие чудаки. Видя, что водила не настроен разговаривать, он тоже замолчал. Но когда прошло, казалось, полчаса, а окно так и продолжала застилать непроницаемая темень, не выдержал:

— А до деревни еще далеко?

— Братан, ты куда нас везешь? — поддержал Митьку Лысый и нервно закрутил башкой.

Водитель и тут никак не отреагировал. Даже не кивнул. Только удерживал руль и смотрел ровно перед собой, словно на дороге было невесть какое насыщенное движение.

— Эй! — заорал уже Лысый. — Ты эти шуточки брось! Куда везешь, спрашиваю?

Митька наклонился вперед и цапнул водителя за плечо. Но лучше бы он этого не делал, потому что мужчина медленно оглянулся, и ярко сверкнул его единственный глаз.

Гости собрались в огромном, занимающем весь поднебесный этаж зале столичного бизнес-центра. Расставленные вдоль стен столы ломились от дорогих и изысканных закусок. Музыканты с подсвеченной сцены развлекали публику классикой в современной обработке и кавер-версиями мировых хитов. Официанты в белых рубашках и отутюженных брюках сновали между гостями и предлагали напитки. Деловые партнеры приветствовали друг друга, обсуждали что-то возле фуршетных столов или отправлялись в специально оборудованную зону для переговоров. Судя по тому, что многих сопровождали помощницы с папками, на вечере планировалось заключить несколько крупных сделок. Длинноногие спутницы бизнесменов прогуливались по залу, обменивались любезными улыбками, завязывали непринужденные беседы или любовались золотыми рыбками в фонтане.

Лиза украдкой бросила взгляд на огромные настенные часы и еле слышно вздохнула: прошел

только час. Время для нее тянулось медленно и вязко, как загустевший сироп. Она бы с большим удовольствием провела вечер дома за чтением, но уступила отцу. Алексей Чернов приехал в столицу на встречу с деловыми партнерами и увидел в этой закрытой бизнес-вечеринке отличную возможность позаботиться и о будущем дочери, которая через пару месяцев оканчивала университет. Но Лиза чувствовала себя здесь не на своем месте. Это был не ее мир — и не ее золотая мечта в отличие от напросившегося с ней сокурсника Федорова. Саша как-то сразу и активно погрузился в атмосферу, быстро сориентировался, чем заслужил одобрение Лизиного отца, и за этот час успел получить несколько визиток. Пусть Федоров еще не «акула» бизнеса, но многообещающий «акуленок» точно: по натуре он был хватким, сообразительным, уверенно шел на красный диплом, и предполагалось, что с такими способностями он построит успешную карьеру.

Алексей Чернов наконец-то дождался одного из партнеров и ушел с ним к освободившемуся столику для переговоров. Сопровождавшая мужа Инга увлеклась беседой с супругой партнера. А Саша, углядев кого-то, вдруг весь подобрался.

— Лиза, мне нужно отойти.

— Почуял лотерейный билет с выигрышем? — сыронизировала она, прекрасно понимая Федорова. Привлекший внимание парня владелец известного холдинга полчаса назад в вежливой беседе выказал свою заинтересованность в молодых кадрах. Таких, как Саша. И вот этот седовласый и бо-

родатый мужчина, больше похожий на доктора, чем на бизнесмена, на какое-то время остался один.

— Лизка, всего на пять минут! — взмолился Федоров, терзаемый противоречивыми чувствами. С одной стороны, ему не хотелось оставлять спутницу одну. С другой — он желал поговорить с владельцем холдинга с глазу на глаз.

— Да все нормально, Саш! Мы для этого сюда и приехали. Я пока тоже отойду.

— Пасиб, дорогая!

— Удачи! — искренне пожелала Лиза. Если Федорову эта вечеринка принесет пользу, она будет рада.

Лиза пересекла зал и вышла на лестничную площадку. Но едва открыла дверь дамской комнаты, как поняла, что даже тут ей не удастся скрыться от деловой атмосферы. По просторной комнате с умывальниками, звонко цокая шпильками по плиткам, прохаживалась молодая женщина и отдавала приказания в прижатый к уху смартфон:

— Поставку жду утром ровно в десять — и ни минутой позже! И никаких «послезавтра»! Если случится задержка, вкатаю вам такую неустойку, что мало не покажется!

Женщина бросила мимолетный взгляд на девушку и тут же отвернулась. Лиза поставила сумочку на мраморный столик умывальника и покопалась в поисках пудры. В зеркале отражалась расхаживающая за ее спиной незнакомка, и Лиза невольно задержала на ней взгляд. Такие женщины — красивые и успешные — всегда ей нравились и даже служили эталоном, какой она хотела бы видеть себя лет че-

рез десять-пятнадцать. Выглядела незнакомка немногим старше Лизы, но ей вполне могло быть и сорок лет: многие успешные женщины вкладываются не только в свой бизнес, но и во внешность. Гладкая кожа, тронутая легким загаром, словно светилась изнутри. Короткие, уложенные волосы блестели, как у модели из рекламы шампуня. Брючный костюм из легкой дорогой ткани сидел как влитой на отточенной до совершенства фигуре. Все в этой женщине было завораживающим: не только внешность, но и уверенность, с какой она держалась, грудной голос, которым отдавала в трубку приказы, жесты — немного резкие, но не лишённые притягательной женственности. Только взгляд незнакомки, с которым Лиза встретила в зеркале, был не юной девушки, а взрослой женщины — цепким, сканирующим, оценивающим. Лиза смутилась и поспешно отвела глаза, сделав вид, что ищет теперь в сумочке помаду. Ее разбуженное восхищением в глазах Саши игривое настроение и желание кружить мужчинам головы, пусть лишь в этот вечер, сейчас показались глупыми и никчемными. А незнакомка тем временем закончила распекать кого-то за задержку доставки и набрала другой номер. На этот раз тональность изменилась: ушли приказные ноты, сам голос стал глубже, ниже, темнее. Эта перемена оказалась настолько резкой, что Лиза забыла о приличиях и вновь отыскала взглядом отражение женщины.

— Ты где? Да, я понимаю, что задерживаешься... Хорошо, жду. Нет, скучно не будет! Потом — точно не будет...

Незнакомка вдруг кокетливо хихикнула и закусила нижнюю губу. Но, спохватившись, что интимный разговор — не для чужих ушей, торопливо зацокала каблуками к двери. И уже на выходе попрощалась со своим собеседником:

— Давай, жду. Целую!

Лиза подкрасила губы и грустно улыбнулась своему отражению. Эта встреча отчего-то выбила ее из колеи. Сможет ли она, подобно этой женщине, добиться успеха? Не в сфере неинтересного ей бизнеса, а сделать себе имя в литературном мире, окружить себя рукописями, авторами и книгами, изданными благодаря ей? Расскажи она кому о своих сомнениях — тому же Саше или подруге Алене, — и окажется непонятой. Многие считали, что у Лизы Черновой с таким отцом, его связями и деньгами, все должно быть легко. Но ей хотелось добиться всего самой, и в мире, никак не связанном с бизнесом отца. Характер у Лизы был отцовский — упрямый и целеустремленный. А это значит, что если она что-то решила, то обязательно этого добьется. Лиза приободрилась, бросила на себя еще один взгляд в зеркало и убедилась, что выглядит хорошо. Это платье небесного цвета с серебряной вышивкой по низу подола они выбрали вместе с Ингой, обьехав накануне с два десятка магазинов. Оно было простым и невинным, но в то же время очень женственным. Целомудренно закрывающий грудь лиф поддерживали украшенные серебряными пряжками бретельки. Расклешенная от пояса юбка свободно падала до лодыжек. Платье изуми-

тельно сидело на тонкой фигуре Лизы, оттеняло матовую кожу и темные глаза. В тон ему были подобраны туфли на высокой шпильке и клатч. Длинные черные волосы Лизы уложили в прическу и украсили серебряным цветком. Сегодня она была особенно хороша. Недаром Федоров смотрел на нее таким восхищенным взглядом.

Лиза вернулась в зал и увидела, что отец и Инга беседуют с той самой женщиной, которая недавно привлекла ее внимание. Заметив дочь, Алексей махнул рукой и, когда Лиза подошла, представил незнакомку:

— Это Амалия Стрельцова. Владелица холдинга...

Чернов с почтением назвал известное имя.

— А это, я так понимаю, ваша дочь, — ответила женщина и развернулась к Лизе.

— Да. Елизавета Чернова. Оканчивает тот же вуз, что и вы несколько ранее.

— Вот как? — заинтересовалась Амалия. Ее светло-карие глаза вспыхнули золотистыми искорками. И женщина, улыбнувшись Лизе заговорщически, как давней подруге, спросила: — А что, Моржов еще преподает?

— Преподает, — усмехнулась Лиза, поняв шутку. Семену Владимировичу Моржову было уже, как говорили, за девяносто, но держался он бодро и до сих пор читал лекции — увлекательные и вполне современные.

— На нашем курсе шептались, что он продал душу дьяволу за долголетие.

— Этот слух передается с курса на курс, — засмеялась Лиза. — И я вольна ему верить.

— Я выпустилась пятнадцать лет назад, — призналась Амалия. — И еще тогда говорили, что Моржову за девяносто. Но он пешком поднимался на самый верхний этаж и не признавал лифтов.

— Он до сих пор их не признает. А еще, говорят, купается зимой в проруби.

— Настоящий морж! Вот с кого надо брать пример! — улыбнулась Амалия и Лизе, и одновременно всем. — Дай бог ему еще долгих лет и такой активности. Если честно, до сих пор храню его лекции. И тебе советую. Пригодятся!

— Лиза вообще отличница, — встрял отец. Лиза смущенно потупила взгляд и улыбнулась. Амалия нравилась ей все больше, она бы с ней разговаривала и разговаривала — о чем угодно, необязательно об их общем университете. И, похоже, Амалии она тоже показалась интересной, потому что улыбалась ей женщина приветливо и вполне искренне. Но Амалию вдруг окликнул мужчина в возрасте, и она, извинившись, ушла. Лиза проводила женщину взглядом: не с этим ли мужчиной она разговаривала томным грудным голосом и обещала ему нескучный вечер? Устыдившись своего любопытства, Лиза поспешно отвела глаза, но, однако, успела понять, что ошиблась: окликнул Амалию, скорее всего, ее деловой партнер.

— Как она тебе? — спросил отец, перехватив взгляд дочери.

— Потрясающая!

— О ней едва ли не легенды ходят. Если Амалия

согласится взять тебя к себе на работу, пусть и на стажировку, будет круто, — заметил Алексей и тем самым выдал, что уже успел замолвить за дочь словечко.

— Пап, — смутилась Лиза. — Будет здорово, конечно. Но не форсируй события. Вы Сашу, кстати, не видели?

Отец пожал плечами, а Инга чуть качнула головой.

— Ладно, пойду поищу его. Мы долго тут еще будем?

— Час, Лиз. Не больше. Мне нужно Соловьева дождаться. Он где-то уже на подъезде. Ты найди пока своего друга. Предупреди, что мы скоро уедем.

Лиза кивнула и отправилась на поиски Саши. Федоров, похоже, так увлекся беседой с кем-то, что совершенно забыл и о времени, и о том, что оставил свою спутницу одну. Лиза сделала круг по огромному залу, но Федорова так и не увидела. Остановившись у фонтана, она достала мобильный и в этот момент заметила стоявшего неподалеку молодого мужчину.

Она узнала его сразу. Но в первый момент, хоть сердце подскочило, будто игрушка йо-йо, решила, что обозналась — настолько нереальной казалась встреча с ним в этом месте.

— Дэн? — позвала Лиза так тихо, что не услышала саму себя, тогда как сердце разгонялось в сумасшедшем ритме. Но Дэн услышал и, перехватив ее взгляд, так и замер с не донесенным до уха телефоном. А затем торопливо отключил вызов и недоверчиво спросил:

- Лиз? Вот так встреча...
- Вот так встреча, — ответила она и шумно выдохнула, чтобы немного скрыть нервозность.
- Что ты тут делаешь? — задали они вопрос одновременно, и оба смущенно улыбнулись.
- Я приехала с папой, — ответила Лиза, вцепившись в сумочку, будто в спасительную соломинку.
- Ясно, — кивнул Дэн.
- А ты? Почему ты здесь?
- Сам не понимаю, — развел он руками, и напряжение, которое возникло между ними, немного спало. Хотя нервозность так и осталась с Лизой. Станным казалось, что когда-то она общалась с Дэном легко и просто, без этой предательской дрожи в голосе и громкого, заглушающего слова уханья сердца. И еще удивительнее было испытывать такое волнение сейчас, через почти полтора года с их последней встречи. Может, все дело было в эффекте неожиданности: вероятность увидеть Дэна Весенина, писателя, а не бизнесмена, на этой закрытой вечеринке сводилась к нулю. А может, просто аромат его одеколona окунул ее, как в море, в недавнее прошлое. И взгляд серых глаз напомнил о том, как он смотрел на нее тогда.
- Как ты? — спросили они снова вместе и рассмеялись этому — неловко, будто подростки, а не взрослые люди.
- У меня все хорошо, — ответила Лиза. «Только тебя нет».
- И у меня, — сказал Дэн, не сводя с нее взгляда. — Прекрасно выглядишь, Лиз.

— Спасибо. Ты тоже, — ответила она и не со-
врала.

Этот загорелый, тщательно выбритый и стильно подстриженный мужчина в белоснежной рубашке с расстегнутым воротом лишь отдаленно напоминал Дэна, каким она знала его в начале знакомства. Не было очков, которые он машинально поправлял. И волосы не топорщились от того, что у него была привычка ерошить их в моменты раздумий. Впрочем, такого Дэна, больше похожего на мужчину-модель из рекламы часов или одеколona, чем на рассеянного и увлеченного писателя, она тоже знала — с фотографий в журналах и на обложках его книг. Таким его привыкли видеть читательницы на презентациях и автограф-сессиях, таким им они очаровывались. Она же знала его другим — настоящим. Внезапно ей подумалось, что он тоже знает о ней секреты, которые неизвестны даже отцу и подруге Алене, только Инге. И одновременно ничего не знает. Не знает о том, что она скучала по нему и купила все его книги. И о том, что, читая вышедший полгода назад детектив, надеялась отыскать в нем хоть малейший намек на пережитую вместе историю. А не найдя, поняла, что больше не стоит ждать звонка от Дэна. Он действительно ушел, и то время, которое он ей дал, не только превратилось в вечность, но и положило между ними пропасть. Только почему так вышло, Лиза не знала. И этот вопрос, без полученного ответа, тенью сопровождал ее из дней в ночи.

— Дэн, — решила Лиза и смело подняла на него глаза. Больше возможности спросить у нее

не будет. Если не сейчас, то тень незаданного вопроса еще долго будет закрывать ей солнце.

Он смотрел на нее с молчаливым ожиданием, будто зная, что она собирается спросить. В его взгляде Лиза прочитала одновременно и обреченность перед неизбежностью, и облегчение, будто неразрешенная ситуация мучила и его. Но договорить ей не дал чей-то оклик:

— Денис, вот ты где! Я тебе уже трижды звонила!

Амалия приблизилась к ним решительным шагом и собственнически приобняла Дэна за талию. Мужчина твердо выдержал взгляд Лизы, только губы его дрогнули — то ли потому, что он хотел что-то сказать, то ли в растерянной улыбке. Заметила ли Амалия их секундный обмен взглядами? Заметила, потому что тут же спросила:

— Вы знакомы?

— Нет, — опередила Дэна Лиза, слыша не столько собственный голос, сколько пульсирующую в висках кровь. — То есть я его знаю, конечно. Это же Дэн Весенин, мой любимый писатель! Я его узнала и подошла попросить автограф.

Ей даже удалось улыбнуться Амалии, хоть улыбка наверняка вышла несчастной. На мужчину Лиза старательно не смотрела, отчего-то боясь вновь встретиться с ним взглядом. Ну что ж, ответ на незаданный вслух вопрос получен, остается только уйти. Но ноги будто приросли к месту.

— Лиза, я тебя обыскался! Твой отец отправил меня за тобой, — услышала она за спиной Сашин голос. И когда Федоров приблизился, поспешно

схватила его за руку. Сокурсник если и удивился горячности Лизы, виду не подал. Напротив, крепко сжал ее ладонь в своей и улыбнулся Амалии.

— Амалия, это — Саша. Мы вместе учимся и... — деревянным голосом представила Лиза своего спутника и наконец-то подняла глаза на Дэна. Он, оказывается, смотрел на нее, а вовсе не на Амалию, хотя теплая рука женщины все так же лежала на его талии. Он смотрел на нее, и она узнавала этот его взгляд — острый, как стальное лезвие. Когда она порезалась о него? В тот день, когда Дэн спас ее, или, сама того не заметив, еще раньше?

— Лиза, Саша — ваш молодой человек? — спросила Амалия, расценив ее недоговоренность по своему.

— Да, — ответила Лиза не столько ей, сколько не сводившему с нее взгляда Весенину. Последний гвоздь в их так и не случившиеся отношения. И последняя точка в молчаливом разговоре. А с Федоровым она объяснится позже.

— У вас очаровательная невеста, Александр, — сказал Дэн и вдруг улыбнулся Лизе одной из тех лучезарных, но безадресных улыбок, которыми одаривал своих читательниц. — Лиза, у вас есть ручка? Вы попросили автограф...

Выручила ее Амалия, протянув Дэну не только ручку, но и свою записную книжку. Он торопливо расписался, вырвал листок и протянул ей все с той же улыбкой.

— Неожиданно было встретить тут мою читательницу.

Лиза кивнула, принимая листочек. Наверное, следуя роли поклонницы, встретившей своего кумира, нужно попросить сфотографироваться вместе, только на это уже сил не осталось.

— Амалия, нам пора. Папа меня разыскивает.

— Рада была познакомиться, Лиза.

— Я тоже.

Может, прощание и вышло излишне поспешным, может, она ретировалась слишком быстро, таща за руку Федорова, но еще мгновение, и Дэн увидел бы ее слезы.

— Саш, мне нужно домой. Срочно, — отчего-то прошептала Лиза, когда они наконец-то отошли на безопасное расстояние.

— Что случилось? Тебя эта Амалия чем-то обидела?

— Нет. Конечно, нет, Саш, — выдавила она через силу и даже улыбнулась. — Но мы уже были здесь достаточно. Я просто устала. Отвезешь или я возьму такси?

— Отвезу, — ответил несколько обескураженный Федоров.

— Хорошо! Я предупрежу папу.

Дорогу Лиза не запомнила, изо всех сил стараясь сдержаться и не расплакаться прямо в машине сокурсника. Саша поначалу пытался развлечь ее какими-то рассказами, но, поняв, что от Лизы не добиться ни слова, замолчал и включил музыку. Стиль был совершенно не в ее вкусе, она не любила дискотечную музыку, но не стала просить Сашу убавить звук, потому что однообразные ритмы неожиданно приглушили собственные

мысли. Так они и ехали невыносимо долго по ночному городу. Поездка в располосованных неоновыми огнями сумерках могла бы казаться романтической при других обстоятельствах. И если бы за рулем был не Федоров.

Она вошла в пустую квартиру, бросила на тумбочку плащ и сумочку и прямо в платье упала на застеленную кровать. Слезы, которые душили ее в машине, вдруг перегорели, спеклись внутри в остроугольный камешек. Почти полтора года — это слишком много для разлуки. Полтора года — это пропасть, смертельная для неосторожно подошедших к ее краю. Тишина в квартире стояла такая, что Лиза, казалось, слышала раздающиеся эхом в комнате мысли. И поэтому, когда зазвонил оставленный в сумочке телефон, она испуганно подскочила от показавшегося громогласным рингтона.

— Дочь, не спишь? — с неуместной радостью спросил отец. — А у меня для тебя отличные новости! Ты очень понравилась Амалии. И она готова взять тебя к себе на работу. Отдохнешь лето и выйдешь в ее компанию.

— Пап, — перебила Лиза. — Я не буду работать у Амалии.

— Лиза, погоди, — опешил отец. И зачастил, что было на него не похоже: — Ты всего не знаешь! Тебе невероятно повезло! Парень Амалии... ну, ее будущий муж... он тесно связан с миром книг и издательствами!

Лиза зажмурилась так крепко, что потом, когда открыла глаза, перед ними поплыли темные

круги. А папа продолжал радостно частить в трубку:

— Ты же в будущем хочешь работать с писателями, или я чего-то не так понял? А с чего начинать, как не со знакомств? Это такой шанс, дочь! Надо им воспользоваться. Тут тебе и опыт, и знакомства. И...

— Папа, я не буду работать у Амалии, — четко повторила Лиза.

— Почему? — растерянно спросил отец. А затем, спохватившись, загромыхал в трубку: — Лизка, что за выкрутасы?! Какая муха тебя укусила?! Я тут, понимаешь, устраиваю твое будущее (твоею мечту, можно сказать!), а ты вертишь носом! Что случилось?! С чего такие капризы?

Лиза тихо вдохнула и на выдохе произнесла:

— Папа, это не капризы. Можешь делать со мной, что хочешь. Ругаться, наказывать. Но я не пойду работать к Амалии.

И пока отец не ответил ей, отключила вызов и разрыдалась. Когда следом за отцом ей перезвонила Инга, Лиза не смогла произнести ни слова.

— Я сейчас к тебе приеду, — сказала мачеха. В трубке послышались возражения отца, которые Инга пресекла одной фразой:

— Чернов, помолчи!

К приезду мачехи Лиза смогла успокоиться и даже принять горячий душ. Поэтому встретила гостью уже улыбкой. Инга вздохнула, легонько потрепала ее по мокрым волосам и сняла плащ.

— Папа в гневе, — не спросила, а констатировала факт Лиза.

— Папа не в гневе. Он в диком недоумении, — поправила Инга.

— А ты?

— А я нет.

Гостья скинула туфли на шпильке и поморщилась, когда ступила босиком на паркет.

— Мечтала об этом весь вечер, — сказала она. — А еще о чае.

— Сейчас заварю, — спохватилась Лиза и отправилась на кухню. За привычными действиями — вскипятить воду, насыпать в чайник заварки, добавить кипятку — пришло ожидаемое успокоение. Возможно, поэтому Инга и попросила чаю и не предложила, как обычно, помощи: надеялась, что чайный «ритуал» немного приведет падчерицу в чувство.

— Все готово, Инга, — объявила Лиза, входя в комнату. Но увидела, что гостья стоит у книжного шкафа и держит в руках одну из книг. Сердце невольно пропустило удар, когда Лиза узнала обложку.

— Эту я отчего-то не купила. Рекомендуешь?

Лиза с деланным равнодушием пожала плечами. Инга держала в руках тот самый детектив, в котором Лиза надеялась отыскать намеки на прожитую ею историю. И после которого решила больше не покупать книг писателя Весенина.

Инга со вздохом поставила детектив на место и провела пальцем по корешкам книг Дэна, выстроенным в ровный ряд.

— Он ушел почти сразу за тобой, — сказала

Инга вдруг, разворачиваясь. — Я его узнала. Хоть в первый момент и подумала, что ошиблась.

— Один ушел? — вырвалось у Лизы. — Или с Амалией?

На щеки хлынула краска, но Лиза сумела не отвести взгляда, ожидая ответа. Ну и пусть. Ей все равно, что решит Инга.

— Один, — ответила та. — С Амалией твой папа разговорился снова уже после. Ты ее очаровала.

Лиза усмехнулась, но усмешка вышла жалкой, а в глазах вновь защипало от слез.

— Что у вас там произошло? Ты сбегала так быстро, таща за собой Сашу, словно за вами демоны гнались. Это из-за Дэна? Вернее, Амалии?

— Из-за обоих! Они вместе, Инга! — воскликнула Лиза. — То, что он ушел один, ничего не значит. Ничего, понимаешь? За это время он мог бы мне сто раз позвонить, если бы захотел! Или написать. Но он ничего не сделал! И я не знаю почему. Вернее, не понимала до сегодняшнего вечера. Все дело в Амалии! Лиза шумно выдохнула. Сейчас, когда она выговорилась, ей стало легче. — Инга, погадай мне, — неожиданно для себя попросила она. Мачеха никогда не раскладывала карты на нее, хоть и обучала раскладам.

— Я давно не брала карты в руки. Уже несколько лет. И не ношу их с собой.

Но Лиза уже вытащила из ящика стола новенькую колоду. Гадания были не ее коньком. Лиза знала значения, но не могла, как Инга, правильно интерпретировать их, видеть не просто картинки

и их сочетания, а ситуации. У Инги был дар делать расклады. Лиза же была сильна в другом.

— Задай вопрос, — попросила Инга, медленно тасуя карты.

— Вопрос только один — Дэн.

Мачеха кивнула и выложила на стол первую карту, затем еще одну и следующую. Лиза не торопила ее, зная, что Инга скажет все сразу и позже. Это для Лизы картинки так и оставались картинками, ее наставница же за ними видела картину. Лиза даже не стала следить за тем, какие карты ей выпадают. Инга скажет куда точнее, чем прочитает она сама.

Но мачеха, выложив еще несколько карт, вдруг собрала их обратно в колоду и подняла на падчерицу взгляд.

— Ну? Что? Инга, скажи как есть! Хуже, чем есть, не будет! Он влюблен в эту Амалию? У них будет свадьба?

— Лиза, — ответила Инга после долгой паузы. — Послушай совета, моя девочка. Держись от Дэна как можно дальше.

— Почему? — еле слышно спросила Лиза.

— Так для тебя будет лучше.

* * *

Звонкий перестук каблучков отозвался в душе музыкой, сердце заплясало в зажигательном ритме, а пальцы крепко сжали рукоять заточенного ножа. Девушка не отличалась крупной комплекцией, справиться с ней будет несложно. Главное — эффект

неожиданности и знание, куда нанести удар. Бедная. Цокает себе по тротуару и не знает, что за ней бесшумно крадется сама смерть. Может, думает о парне, с которым было свидание. Или о том, что день у нее сегодня выдался тяжелый: начальник распекал за ошибку в отчете. А может, тот же начальник, грузный, потный, одутловатый, тискал ее свежее юное тело на кожаном диване в своей кабине. Или девчонка — обычная студентка. Засиделась после учебы у подружки и теперь торопится домой, потому что мама волнуется. Да, впрочем, какая разница, кто она — студентка, секретарь и любовница своего шефа или влюбленная дурочка? Она — жертва. А все остальное уже неважно.

Девушка свернула за угол и вошла в неосвещенный сквер. Вот и совершила ожидаемую ошибку. А мама наверняка просила не сокращать путь! Да только кто в этом возрасте слушается мам? Что ж, будет наука, только уже другим. Три бесшумных шага — и в нос ударил аромат полувыветрившихся духов. Еще один шаг, последний. Одной ладонью зажать пискнувшей от испуга жертве рот, а другой нанести быстрый удар. Вот и все, милая. Больно не было. Ты вообще не успела ничего понять. Ну, может только в те последние секунды, когда жизнь вытекала вместе с кровью из раны. Скоро тебя найдут: припозднившийся прохожий или собачник. Это хорошо, что найдут. Последний штрих — оставить на еще теплом теле послание. И тихо и незаметно уйти. В свете уличного фонаря оглядеть одежду, не испачкалась ли. Проскользнуть по темным улочкам и скрыться в дышащем теплом

нутре подземки — домой, праздновать маленькую победу. В холодильнике на вечер припасена бутылка розового, словно разбавленная кровь, вина. А к дверце прикреплен магнит с телефоном ресторана, в котором подают блюда средиземноморской кухни. Сегодня ужин будет состоять из морепродуктов. Мидии на пару, слегка сбрызнутые лимоном. Лангусты, обжаренные в оливковом масле с петрушкой и чесноком. Осьминог с красным перцем. Кольца кальмара в кляре. И все это под ледяное вино. Первый тост будет за упокой души убиенной. А второй — уже привычное проклятие в адрес чудовища, которому и предназначалось послание.

2

Дэн бросил взгляд на часы и тихо вздохнул: опаздывает. Выехал он с большим запасом времени, учитывая столичные пробки, но, похоже, все же просчитался. Бренд-менеджер издательства, Вета, звонила ему полчаса назад, и тогда еще была надежда, что на встречу с читателями он успеет вовремя. Но уже следом за этим машины, до того ползущие по шоссе черепашьям шагом, окончательно встали.

Дэн вытянул шею, высматривая впереди просветы. Но увидел только бесконечную вереницу автомобилей с включенными стоп-сигналами. Похоже, увяз он намертво — и так близко от места назначения. Он потянулся к телефону, чтобы на-

брать номер менеджера, но Вета опередила его звонком:

— Денис, ты далеко?

— Практически там же. Близко, но так и стою.

Похоже, все же авария.

— Ясно, — деловым тоном ответила менеджер. Форс-мажоры она не любила, но была к ним привычна. — Мария Светова уже приехала. Поменяю вас местами. Маша выступит сейчас, а ты — после нее.

К счастью, читательская аудитория у двух известных авторов детективов Марии Световой и Дэна Весенина была схожа. Менеджеры даже несколько раз проводили их совместные выступления. Читательницы, которые пришли сегодня на встречу с Весениным, остались бы и на встрече со Световой.

— Позвони мне, когда будешь подъезжать. Я отправлю кого-нибудь тебя встретить, — закончила разговор Вета. Дэн отключил телефон и в нетерпении стукнул кулаком по рулю. К пробкам он был привычен и использовал это время с пользой: слушал аудиокниги или надиктовывал отрывки для собственных. Но сегодня нетерпение захлестывало его с такой силой, что он с трудом сдерживался от того, чтобы не бросить машину прямо на дороге и не отправиться пешком. И дело было не столько в том, что Дэн ненавидел опаздывать, сколько в том, что последние три дня он не находил себе места.

Стоявшие впереди машины наконец-то тронулись с места. Дэн с облегчением выдохнул и, пре-

жде чем нажать на газ, включил магнитолау. Не-редко он загадывал на случайно выбранную композицию, каким будет его день. Но песня на этот раз неожиданно не предсказала будущее, а ответила строфами из прошлого.

Я растерял все слова
в бесконечности,
Не растворился едва
в этой снежности.
Я не успел рассказать
что-то главное.
И не сумел удержать.
Значит, надо так...

Кто бы мог подумать, что на той вечеринке для бизнесменов он встретит Лизу. И кто бы мог подумать, что одной короткой встречи с ней окажется достаточно для того, чтобы стереть до пыли с таким трудом обретенное спокойствие. Почти год ему понадобился на то, чтобы выйти из тяжелой, как беспросветная депрессия, любви, отучить себя не думать ежеминутно о Лизе и не хвататься ночью за телефон только потому, что ему приснилось, будто она оставила сообщение. Последними шагами на пути к излечению стала его новая книга, совершенно не похожая на предыдущие: не столько детектив, сколько чувственный и глубокий роман с открытым финалом. Как примут такой эксперимент его читательницы, волновало Дэна на этот раз мало: книгу он писал

не для них, а для себя. Но роман приняли более чем благосклонно. Даже некая недосказанность показалась читательницам уместной и интригующей. Видимо, трагичные или грустные финалы, как в книгах, так и в жизни, цепляют и запоминаются куда больше пресловутых хеппи-эндов.

...За горизонтами дней прячет прошлое
Тоску бессонных ночей невозможную.
И от себя не сбежать, как ни хочется.
Я привыкаю дышать одиночеством.
(«Мечты», группа «Ключи»)

Дэн выключил музыку: лучше слушать тишину, чем свои разболевшиеся, как старая травма, мысли. А потом набрал номер Веты и сказал, что скоро будет и найдет нужный стенд сам.

Когда он приехал, Мария Светова уже заканчивала выступление. Вета увидела Дэна издали и энергично замахала ему.

— Наконец-то! — с облегчением выдохнула девушка и сунула ему бумажный лист. — Вот вопросы, прочти их. Если нужно, что-то вычеркнем.

Дэн пробежал взглядом список, больше для порядка, и вернул распечатку:

— Все в порядке, Вет!

Вопросы, приготовленные в издательстве, всегда были корректными и предсказуемыми. Это от читателей можно было ожидать каверзных и провокационных, но именно они и казались

наиболее интересными. А выходить из неловких ситуаций он умел.

Встреча, несмотря на выбившее его из колеи опоздание, проходила тепло и душевно. Дэн вскоре почувствовал себя в своей среде, и хорошее настроение вновь вернулось к нему. Читателей пришло даже больше, чем обычно, вопросы задавали интересные. Многие из них касались его старых детективов, многие — недавно вышедшего романа. Обязательно спрашивали, когда выйдет следующая книга и напишет ли Дэн продолжение к той, с открытым финалом. Он шутил, что продолжение зависит от настроения героев — захотят ли они быть вместе. Смеялся вместе с читательницами, флиртовал с публикой, обещал, намекал, заманивал и был как никогда в ударе. Даже Вета, которая собиралась отойти к другому стенду, задержалась, слушая его выступление, и, когда они встретились взглядами, одобряюще ему улыбнулась. «Дэн, сегодня мы продали больше книг, чем рассчитывали. Ты молодец», — наверняка скажет она ему потом, как говорила уже не раз. И пусть эту фразу Вета повторяет, возможно, каждому писателю, с которым работает, все равно приятно будет услышать от нее похвалу.

Время, отведенное для выступления, пролетело незаметно. Ведущая объявила, что вопрос будет последним, после чего все желающие смогут получить автограф автора, и передала микрофон высокой девушке в круглых очках с толстыми стеклами.

— Дэн, у меня к вам вопрос личного характе-

ра, — чуть звеневшим от волнения голосом произнесла читательница.

Он, подбадривая девушку, улыбнулся и даже подпер в предвкушении интересной беседы ладонью щеку. Ставку Дэн сделал на то, что читательница все же спросит не о его личной жизни, а о книгах.

— Дэн, — продолжила после некоторой паузы, в которую собиралась с духом, девушка. — Ваша последняя книга, как уже говорилось, не похожа ни на одну из предыдущих. Я прочитала ее на одном дыхании и скажу, что она невероятна! Вы, как писатель, будто перешли на другой уровень. Но что случилось? Что повлияло так на ваше творчество? Почему Дэн Весенин, автор криминальных детективов, превратился вдруг в автора чувственной прозы с детективной линией? Даже название вашего романа, «Снежный вальс», не типично для ваших книг. И я правильно понимаю, что название дала сцена, в которой ваш герой звонит героине под снегопадом?

— Это уже не один вопрос, их много, — пошутила ведущая, принимая у читательницы микрофон. Девушка смущенно улыбнулась. А Дэн собирался весело парировать ведущей, что интересных вопросов много не бывает. Но в тот момент, когда читательница чуть отошла в сторону, увидел Лизу. Улыбка сошла с его лица, а непроизнесенные слова так и застыли в горле. Лиза тоже не ожидала, что он ее увидит, но, когда они встретились взглядами, не отвела глаз. Его растерянность, заметная лишь ей, а не публике, дли-

лась всего пару мгновений. Дэн тут же спохватился и развернулся к читательнице.

— Может, я до этого просто не любил, — вырвалось у него совсем не то, что он собирался сказать. Вопрос был ожидаем, и Дэн заранее придумал различные варианты ответов — далеких от истины, но которые бы одновременно и заинтриговали, и удовлетворили любопытство читательниц. А вот поди ж ты... Ляпнул в растерянности правду. Хотя, что может интриговать больше правды?

Толпа загудела, кто-то заплодировал, кто-то, пытаясь перекрыть шум, выкрикивал новые вопросы. А кто-то уже занимал очередь, чтобы получить у него автограф. Дэн поискал взглядом Лизу и увидел, что она уходит.

— Лена, — окликнул он ведущую раньше, чем понял, что творит. — Дело жизни и смерти! Догони, пожалуйста, вон ту брюнетку в зеленом платье и попроси, чтобы она меня дождалась. Даже если она этого не захочет!

Лена если и удивилась, виду не подала, только улыбнулась и отправилась следом за Лизой. А Дэн с досадой обвел взглядом длинную очередь за автографами. Как не вовремя! Как чертовски не вовремя.

Время еще никогда не тянулось так медленно, а очередь поклонниц не казалась ему такой бесконечной. И никогда еще так сильно не хотелось ему сбежать от толпы в одиночество. Он машинально расписывался в своих же книгах, которые ему протягивали читательницы, вместо ответов молча кивал, потому что не слышал ни задавае-

мых ему вопросов, ни пожеланий, с кем-то фотографировался, кажется, все же улыбаясь, а может, и не улыбаясь вовсе. И с отчаянием думал, что Лиза его не дождетя. Скорее всего, она и оказалась тут случайно: пришла на выставку купить книг, задержалась на встречу с писательницей Световой, рецензии на детективы которой не раз появлялись в ее блоге, а вместо Марии увидела его. Если бы Лизе хотелось с ним поговорить, она бы подошла, а не ушла так поспешно, едва закончилась встреча.

Дэн вскочил с места еще раньше, чем последняя читательница успела отойти от столика.

— Где она? Где будет ждать? — торопливо спросил он у ведущей. Лена указала ему на небольшое кафе в конце павильона. — Спасибо, Лена! С меня конфеты и духи! — крикнул Дэн уже на бегу.

На кого-то налетая, перед кем-то машинально извиняясь, он пытался пробраться сквозь толпу посетителей выставки так быстро, как только это было возможно. Если бы проходы были пусты, он бы пробежал эту сотню метров до кафе со скоростью спринтера. И неважно, что на него — взъерошенного, покрасневшего, взволнованного — обращали внимание. И неважно, что со стороны он выглядел если не смешным, то странным уж точно. И неважно, что подумала ведущая Лена, присутствовавшие на встрече журналисты и читатели. Все это утратило свою значимость и обернулось шелухой.

Дэн добежал до открытого кафе, быстро оглядел занятые столики и убедился в том, что Лизы

тут нет. Не отдавая себе отчета, он запустил руку в волосы и взъерошил их еще больше, а затем медленно и с горечью выдохнул. Безумие — мчаться вот так за Лизой, когда ему даже нечего ей сказать. Безумие — надеяться, что она дождетя его. Безумие — вновь окунуться в то безумие, от которого он, казалось, излечился.

— Дэн? — раздалось вдруг тихо за его спиной. Не веря в счастливый исход, потому что еще секунду назад коснулся дна отчаяния, он оглянулся и увидел стоявшую чуть поодаль Лизу.

— Спасибо, — вырвалось у него.

— За что? — удивилась она.

— За то, что... дождалась.

Он развел руками, только сейчас поняв, что не знает, как объяснить Лизе свое желание задержать ее. И что ей вообще сказать. Но она не стала задавать вопросов, просто тепло улыбнулась и похвалила:

— Отличное выступление, Дэн.

— Спасибо. Не знал, что ты тоже тут.

— Как я могу пропустить книжную выставку?

И неудивительно, что мы встретились. Где еще могут встретиться заядлая читательница и известный писатель?

— На закрытой вечеринке для бизнесменов, — тихо засмеялся он и кивнул на два переполненных пакета, стоявших у ее обутых в замшевые балетки ног. — Богатый улов, Лиз!

— Не смогла удержаться. Опять накупила книг.

— На радость подписчикам твоего литературного блога.

— Прежде всего — на радость мне, — усмехнулась Лиза.

Говорить о книгах — самое простое решение. Тема, на которую они могли беседовать, казалось, часами, без опаски напороться на подводные камни.

— Ты приехала одна? — не удержался, однако, Дэн.

— Собиралась с подругой. Но Алену вызвали на пробы.

— Алену Скворцову? — понял Дэн. — Значит, вы подружились?

— Скажи мне кто об этом раньше, ни за что бы не поверила! Оказалось, что у нас много общего. Алена сейчас пробуете на съемки в сериале. Кстати, по твоим книгам, — улыбнулась Лиза. — Я в курсе, Дэн. И рада за тебя! Рада, что у тебя все хорошо.

— И я рад, что все хорошо у тебя, — отозвался он. — Приятно видеть тебя такой счастливой и солнечной. Готический стиль тебе очень шел, но яркие цвета и радость тебе к лицу куда больше.

Дэн смягчил улыбкой свои слова, побоявшись того, что Лизу огорчит напоминание о прошлых событиях. Но ему и правда было радостно видеть ее такой — красивой, яркой, одетой в платье цвета молодой зелени, оттенок которого неожиданно зажигал в ее почти черных глазах зеленые искорки. Темные густые волосы, до этого заплетенные во множество косичек, Лиза расплела, и они теперь крутыми волнами падали ей до по-

ясницы. Она была не просто красива, а прекрасна — своей юностью, свежестью, раскрывшейся, как цветок, женственностью. Ему было радостно видеть ее такой, вновь полной жизни. Но одновременно горечь сожаления, что не он был причиной счастливых изменений в ее жизни, тенью скользнула по его лицу. Дэн поспешно отвернулся, сделав вид, что высматривает в кафе освободившиеся места. Если они выпьют с Лизой по чашке капучино и поболтают немного на безопасные книжные темы, в этом не будет ничего такого. Они просто выпьют вместе кофе, как старые друзья, которые встретились после долгой разлуки. Как друзья, которыми они так и не стали.

В кафе и правда освободился столик. Но пригласить Лизу Дэн не успел, потому что у него в кармане завибрировал мобильный. Он достал телефон и увидел, что звонит ему Ивасин.

— Здорово, Петь!

Краем глаза Дэн заметил, что Лиза следит за ним встревоженным взглядом. Неудивительно, потому что имя следователя у нее ассоциировалось с историей, которая наверняка оставила на ее сердце шрамы.

— Дэн, ты где? — спросил без приветствия Петр, и тревога Лизы моментально передалась и ему. Ивасин обычно не разменивался на долгие приветствия, но интонации в его голосе за все годы дружбы Дэн изучил неплохо и понимал, когда друг звонит ему просто так, а когда из-за каких-то проблем. Сегодня в голосе Петра было куда больше звеневшей стали, чем тепла.

— На выставке. Но уже закончил выступление.
— Хорошо, — ответил Ивасин. — Нужно встретиться. Срочно. Через час у меня обед. Успеешь подъехать в «Мельницу»?

Дэн бросил взгляд на неловко переминающуюся с ноги на ногу Лизу, затем — на часы на левом запястье. И вздохнул:

— Успею.

Успеет. Но выпить кофе с Лизой — уже нет.

— Тогда жду, — припечатал Петр и отключился, оставив после себя гудящую тревогой тишину в трубке.

— Что-то случилось? — спросила Лиза, едва Дэн успел убрать в карман телефон.

— Не знаю, — честно ответил он. — Петр ничего не сказал, но зачем-то вызвал меня к себе.

По лицу Лизы скользнула тень. Она потупила взгляд и закусилла нижнюю губу, погрузившись на мгновение в сумрак своих воспоминаний. А затем подняла на Дэна темные глаза и без улыбки ответила:

— Надеюсь, ничего страшного.

— Нет. Конечно нет, Лиз! — торопливо попытался успокоить ее он и улыбнулся как можно беспечнее. — Петр так может — напугать неожиданным звонком, ничего не объяснить. А потом окажется, что у него просто выдался свободный час, в который он пожелал поделиться интересным делом.

— Надеюсь, что все так и есть.

— Конечно, так и есть! Пойдем, я довезу тебя.

— Ты же торопишься к Ивасину?

— Успею. А у тебя — тяжеленные пакеты.

— Да я могу на такси...

— Лиз, прекрати. Я на машине. И у меня есть час времени, — отрезал Дэн и подхватил ее пакеты. Она молча, больше не споря, отправилась за ним. Подождала, пока он погрузит в багажник «Шевроле» пакеты, глядя на его новую машину с тенью то ли сомнения на лице, то ли с печатью грустных воспоминаний. Но ничего не сказала, лишь поблагодарила кивком, когда он открыл ей дверь.

Дэн вырулил со стоянки и уверенно направился по адресу, который помнил, несмотря на давнее желание стереть его из памяти, как удалил еще год назад номер Лизы из телефона. Девушка молчала, и он тоже ничего не говорил — то ли потому, что Ивасин все же нарушил своим звонком непринужденность «книжного» разговора с Лизой, то ли от того, что она находилась от него так близко. Чтобы как-то разбавить эту сгустившуюся тишину, он включил музыку, забыв о том, что так и оставил функцию случайной выборки.

— Что это за песня? — встрепенулась Лиза, словно композиция и ей одним махом раскроила сердце надвое с первых аккордов и оно закровоточило застывшими в нем важными словами, упущенными возможностями и несбывшимися мечтами.

— «Обними», «Океан Эльзы», — ответил Дэн, бросив на девушку мимолетный взгляд. Лиза кивнула и отвернулась к окну. — Тебе, кажется, нравилась другая музыка, — заметил он.

— Вкусы меняются, — вяло отозвалась она. —

Что-то остается, что-то уходит. А что-то приходит новое.

Дэн согласился и, когда песня закончилась, спросил как бы между прочим:

— Ты будешь работать у Амалии?

— Нет.

— Почему?

— Это не то, чем мне бы хотелось заниматься в жизни.

Дэн бросил на Лизу короткий взгляд и вновь устремил его на дорогу.

— А чем бы тебе хотелось заниматься?

Она тихо вздохнула и развернулась к нему:

— Меня всегда интересовали книги и все, что с ними связано. Мне бы хотелось работать в этой области.

Он кивнул, ничуть не удивившись.

— Редактором? Рецензентом? Или хочешь писать сама?

— Я же уже говорила тебе, что писать не хочу. А для редактора у меня образование не филологическое.

— Но тем не менее...

— Мне бы хотелось стать агентом. Открывать новых авторов и продвигать их.

Дорога на этот раз оказалась свободной, и Дэн с грустью подумал, что вскоре доведет Лизу до дома и попрощается с ней.

— У нас не так уж много агентов, — после паузы произнес он. — В России автор чаще всего работает напрямую с издательством, а не через агента, как на Западе.

— Да, знаю. Но что мешает что-то изменить? Или хотя бы попробовать?

— Ничто не мешает, — кивнул Дэн. — Интересное дело задумала. С одной стороны, не удивила, потому что тебе так нравятся книги. С другой — все же удивила. Я считал, что твой путь уже определен: финансовый вуз, папа — известный влиятельный бизнесмен со связями.

— Я не хочу зависеть от денег и знакомств папы, — отрезала Лиза. — Он знает об этом. И о том, что я не пойду работать к Амалии.

Она посмотрела на него, будто с вызовом, невольно вызвав у Дэна улыбку.

— То, что ты бунтарка, я уже понял. И как папа отнесся к твоему выбору?

— Ну... Ему бы, конечно, хотелось, чтобы я работала по своей профессии. Это ему куда понятнее. И еще тревожится, что я пока не знаю, с чего начать.

— Просто начни, — сказал Дэн. — Отбери авторов, с которыми можно работать, и попробуй их продать.

— Так просто? — усмехнулась Лиза.

— Так сложно, — парировал Дэн. — Но, Лиз, нужное чутье у тебя есть. Продать книгу, мне кажется, ты сможешь. Остается найти — кому. Агента составляют еще и его контакты. Заводи знакомства, посещай выставки, желательно и международные. Кто знает, может, именно ты сможешь массово вывести наших авторов на зарубежный рынок?

— Было бы неплохо.

— Было бы неплохо, — со вздохом согласился Дэн. — А вообще, если честно, забудь, что я тебе тут наговорил. Я никогда не работал с агентами и не представляю себе их работу.

— И все же предпочту запомнить.

— Мне кажется, у тебя все получится. Может, не сразу. Но ты из тех людей, которые не сдаются и не отступают перед сложностями.

— Ты не прав, — возразила вдруг Лиза и посмотрела на него неожиданно несчастным взглядом. — Я тоже, бывает, сдаюсь. И отступаю.

«Как и я», — чуть не вырвалось у Дэна, но он промолчал. Лиза могла иметь в виду что угодно. Это он невольно перенес ее слова на себя.

— Вот и твой дом, — нарочито бодро произнес Дэн, нарушив возникшее после ее фразы молчание, в котором они потерялись, как в снежной метели. Она же промолчала. Только поблагодарила, когда он помог ей донести до квартиры тяжелые пакеты. Но пройти не пригласила. Впрочем, на это Дэн и не надеялся.

И все же, хоть он торопился, опоздал — ненамного, но опоздал. Такая, видимо, сегодня у него «судьба». Дэн влетел в ресторан, в который сам не раз приглашал друга, и почти сразу увидел его — невысокого, смуглого, с наметившимися на высоком лбу залысинами.

— Пробки? — спросил Петр, когда Дэн присел за стол.

— Угу.

— Времени у меня немного. Поэтому я уже сделал заказ. Твои вкусы помню.

— Спасибо, — тепло улыбнулся Дэн, надеясь увидеть ответную улыбку на нахмуренном лице Ивасина.

— Как отдохнул? — спросил скорее ради порядка, чем из интереса, Петр.

— Хорошо, — лаконично ответил Дэн, поняв, что рассказ о поездке с Амалией на заграничные моря лучше оставить на потом. Петр отчего-то пребывал далеко не в самом лучшем расположении духа.

— Хорошо — это хорошо. Отдыхать — это и правда хорошо... — задумчиво пробормотал Ивасин, глянул Дэну куда-то за плечо, словно высматривая кого-то. А затем перешел к тому, ради чего вызывал друга.

— Дэн, тут такое дело... Если твои менеджеры тебе еще не звонили, то наверняка завтра сам из прессы узнаешь. Так что лучше уж от меня.

— О чем ты, Петь? — встревожился уже по-настоящему Дэн.

— О том, что тебя вмешали в одно дерьмо. И я собираюсь не только предупредить тебя, но и привлечь к сотрудничеству.

Ивасин прервался, потому что к столику подошел официант. И то время, что молодой человек составлял на стол тарелки, показалось Дэну бесконечным. Официант будто специально делал все медленно, крутился возле их столика нарочито долго, да еще улыбался, казалось, издевательски. А Петру эта пауза будто была на руку. Он спокойно следил за движениями официанта, кивком попросил налить ему воды, а когда парень

отошел от их столика, неторопливо выпил половину стакана.

— Петь, не томи уж! — не выдержал Дэн.

— Не терпится узнать дурные новости? — подначил его Ивасин. Но мучить больше не стал, сразу, без всякого перехода брякнул: — Некто убивает в столице молодых женщин. Жертвы найдены в разных округах и убиты разными способами. Но есть у этой сволочи одна фишка, которая дает нам основание думать о серии. На каждом трупе убийца оставляет книги. Твои книги, Дэн.

— Что?! — воскликнул Весенин, чувствуя себя так, будто на него обрушились небеса. — Но я... — сказал, и осекся, потому что Петр сверлил его тяжелым и одновременно сочувственным взглядом. Дэн протяжно выдохнул и запустил пальцы себе в волосы. — Но какого фига?!

— Какого фига — это и предстоит нам выяснить, Дэн. А ты, надеюсь, сможешь нам понять, какая есть связь между твоими книгами и убитыми девушками.

Тушеное с овощами мясо, к которому Дэн так и не притронулся, вдруг вызвало тошноту. Он отодвинул тарелку и отпил воды прямо из стакана Ивасина.

— Никто лучше тебя не знает твоих книг, — продолжил Петр. — Я, конечно, их все читал. Но детали уже не помню. Так что придется тебе копаться в своих детективах — искать что-то общее, расшифровывать, что пытался сказать убийца.

— Думаешь, это какое-то сообщение?

— Не исключаю.

— Кому? Мне?

— Может быть, тебе, может — не тебе. Но на всякий случай будь осторожен. И не отсвечивай.

— И не отсвечивай, — эхом повторил Дэн. Ну почему все в последние дни, даже эта фраза Петра, то и дело возвращает его в уже прожитую историю?

— Сколько жертв?

Лучше сосредоточиться на вопросах. Чтобы не чувствовать себя отчего-то виноватым, будто он на самом деле как-то причастен к смертям девушек.

— Три, но не исключено, что может быть больше.

— Как их убили?

— Одну задушили, двух других зарезали.

Дэн потарабанил пальцами по столу и скривился, заметив, что Петр принялся жевать салат, как ни в чем не бывало. Как друг может не терять аппетита в таких условиях?

— Ты так и не будешь есть? — спросил, перехватив его взгляд, Ивасин и усмехнулся. — Понимаю. А я вот, представь себе, голодный.

— Петь, как ты вообще живешь? Я имею в виду, как ты можешь вот так жить, будто ничего не случается, когда вокруг происходит столько всякого дерьма?

— Ну... Кому-то же надо это «дерьмо», как ты выразился, разгребать. И я его, к сожалению, повидал уже столько, что у меня к нему зарабо-

тался иммунитет. Хотя... Знаешь, может, я все это и разгребаю, потому что не такой уж циничный, каким кажусь на первый взгляд. У меня дочь — подросток, и от мысли, что какой-то... Петр недоговорил, но Дэн и без слов понял. Наполнил свой стакан водой и сделал глоток. — Вернемся к нашим жертвам, — продолжил Ивасин. — Три молодые женщины, возраст между двадцатью и двадцатью пятью годами. Одна задушена, две зарезаны. На теле каждой обнаружена твоя книга.

— Одна и та же?

— Нет. Разные.

— Названия? — попросил Дэн. Ивасин достал из кармана мятый блокнот, отлистал несколько страниц и показал ему. Первая мысль, что преступления могли быть скопированы из его книг, тут же отпала. Да это и было бы, наверное, слишком киношно.

— Книги открыты на какой-то странице или закрыты?

— В том-то и дело, что закрыты, — ответил Петр.

— Ясно, — кивнул Дэн, хоть ничего ясно ему не было. За что хвататься? За названия? За обложки?

— Фотографии у тебя есть? Мне бы увидеть, какие это издания. Из-за обложек.

— Сброшу чуть позже, — понял Петр. — Но мне кажется, что издания тоже разные. Книги оформлены не в одном стиле. Так что не в художнике дело.

— Хорошо, Петь, я посмотрю. Не знаю, как смогу вам помочь, но сегодняшнюю ночь проведу за перечитыванием собственных опусов. Да, дай еще мне имена этих девушек. Проверю, они мои читательницы или случайные жертвы.

— Да, пожалуйста. И еще посмотри свою личную переписку. Может, кто-то тебе угрожал? Или выказывал тебе свое недовольство — книгами ли, поведением на встречах или еще чем? Кстати, интрижек у тебя с читательницами не случилось? Ну, мало ли... Может, какой-нибудь ревнивый муж одной из них мстит? Или, напротив, отвергнутая поклонница?

— Какие тут интрижки, Петь? — поморщился Дэн. — Ни с одной из читательниц не было у меня отношений. Я даже в личную переписку с ними не вступаю практически. Хотя сообщений получаю много. Амурных в том числе. И с негодованиями тоже. Кому-то не ответил. Кому-то не понравилась книга. Кого-то возмутило что-то в поведении героев. Петь, если подозревать каждого написавшего мне...

— Да-да, я так, просто направляю тебя. Вдруг что-то вспомнится или обнаружится. Даже если тебе покажется незначительным, сообщи мне.

— Я тебе завтра позвоню, отчитаюсь, — пообещал Дэн и вытащил портмоне, чтобы расплатиться за обед. Но Петр протестующе поднял руку:

— Сегодня я угощаю. Раз пригласил.

— Жаль, не дружеский обед у нас на этот раз вышел.

— Мне тоже жаль. Что ж тебя, детективщика

разэтакого, во всякие криминальные истории втягивает? Весенин, пиши лучше детские сказки!

— Сказки тоже страшными бывают, — возразил Дэн.

— Завези мне своих книг. Именно те издания, фотографии которых я тебе скину. Мы тоже... почитаем. Всем отделом. Глядишь, поклонников у тебя прибавится, — попытался шуткой сгладить мрачность разговора Петр.

— При других обстоятельствах это бы меня обрадовало, — без улыбки ответил Дэн.

* * *

Лиза закрыла дверь и перевела взгляд на тяжелые пакеты. Улов, как Дэн выразился, был на самом деле богатым. Но радости от покупки она уже не чувствовала. Интерес к новым книгам пропал, словно перебитый аппетит. И дело было в романе, который Лиза не собиралась покупать, но купила. Она села на пол, покопалась в пакетах и вытащила книгу Дэна «Снежный вальс».

Зачем она осталась на встречу — и себе не могла объяснить. Приехала на ярмарку купить книг, переходила от стенда к стенду, брала визитки и буклеты, мечтая, что когда-нибудь сама будет работать в этой отрасли. А потом услышала, как объявляют выступление Дэна, и не удержалась. Все шло хорошо ровно до того момента, пока одна из читательниц не задала ему последний вопрос. «Может, я до этого просто не любил», — ответил Дэн, и эта фраза раскрыла сердце надвое.

Больно стало не столько от его слов, хоть Лиза сразу поняла, к кому они относились — не к ней, а к Амалии, — а от того, что, работая над этим чертовым «Снежным вальсом», любя Амалию и думая о ней, Дэн, похоже, включил в книгу моменты, которые связывали его и с Лизой.

И все же, хоть она собралась уйти сразу после завершения встречи, зачем-то дождалась Дэна. Просто невыносимо захотелось увидеть его еще раз. Но звонок следователя разбудил тревогу. Лиза не поверила, что Ивасин пригласил Дэна только на дружеский обед. Ее интуиция в тот момент ощетилилась иголками, преобильно уколола тяжелыми воспоминаниями и внезапной догадкой, что недоговоренность Инги имела совсем другой смысл. Мачеха увидела в картах что-то такое, о чем предпочла промолчать. И это была вовсе не свадьба Дэна с Амалией, как предположила Лиза.

Она повертела в руках книгу, но, так и не решившись открыть, положила на обувной шкафчик. А затем прошла в комнату и включила компьютер. Оказывается, так просто нарушить данное себе обещание. Оказывается, даже прошлые уроки тебя ничему не учат, когда дело касается человека, которого так и не сумела забыть. Лиза долго искала на странице Дэна среди множества его снимков с фотосессий, встреч с читателями и других мероприятий тот, который бы подошел. Ей нужна была фотография Дэна — настоящего, а не того образа, в который он, словно артист — в роль, воплощался во время выступле-

ний. Пролистывая один за другим снимки, Лиза вспоминала Дэна таким, каким знала и помнила — простым, надежным, отзывчивым. В одни моменты — растерянным и немного смешным, в другие — собранным, а иногда и жестким. Дэн никогда не пытался очаровать ее, как своих читательниц, не флиртовал с нею, не соблазнял, не обещал, не зазывал. С нею он был самым собой. Но он так тщательно оберегал свою частную жизнь, что не выложил на странице ни одного любительского снимка. Лиза закрыла папку, перешла на страницу подруги Дэна и среди ее личных фотографий нашла ту, которую искала. Автором снимка, сделанным около года назад, была, скорее всего, сама Дина. Дэна она сфотографировала в момент задумчивости, когда мужчина сидел у нее на кухне, обхватив одной ладонью чашку и устремив взгляд в окно. «Веселин замечтался о персонажах», — оставила Дина подпись. А Лизе представилось, как Дэн очнулся от задумчивости и растерянно улыбнулся подловившей его в объектив подруге, а потом наверняка что-то по-доброму проворчал. Лиза скачала снимок себе в компьютер и закрыла браузер.

Около года назад она пообещала себе не искать больше по фотографиям пропавших людей и животных. И никому с тех пор не рассказывала о своих способностях. Она бы сдержала данное себе обещание, если бы не тревога за Дэна. Что выйдет из ее затеи — Лиза не знала, потому что никогда не пыталась увидеть по фотографиям будущее. Но